

МЭКС

Е. Н. ШВЕЙКОВСКАЯ

РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН

В ДОМЕ И МИРЕ:

СЕВЕРНАЯ ДЕРЕВНЯ

КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Традиционная духовная культура
славян. Современные исследования

Елена Швейковская

**Русский крестьянин в доме
и мире: северная деревня
конца XVI – начала XVIII века**

«Индрик»

2012

Швейковская Е. Н.

Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века / Е. Н. Швейковская — «Индрик», 2012 — (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования)

В монографии исследуются основные социальные ассоциации – семья и деревенский мир, в которых протекала повседневная жизнь крестьян Русского Севера в конце XVI – начале XVIII в. Она локализовалась в доме-дворе и определенном инфраструктурном пространстве. Через разноуровневые связи, в которые вступал индивид в микромире деревни и волостной общины, а также за его границами, контактируя с должностными лицами земского мира и воеводой как представителем власти, выявлены ценностные ориентации и мировидческие представления крестьян. Культурно-исторический подход не исключает обращения к социальным экскурсам, что вкпе способствует углубленному пониманию образа, стиля жизни крестьян и социальной природы российской деревни.

ББК 63.3(2)46

Содержание

Введение	5
Глава 1	14
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Е. Н. Швейковская

Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века

*Книга посвящается светлой памяти моей матери Валентины
Романовны Швейковской*

Введение

История Европейского Севера нашей страны издавна вызывала у меня большой интерес, и она стала предметом профессиональных занятий. Главным направлением отечественной исторической науки на рубеже 1960-1970-х гг., когда я пришла в нее, да и позднее, было социально-экономическое. Формирование и функционирование феодального землевладения, эксплуатация и закрепощение крестьянства, особенности и фазы его расслоения, генезис капиталистических отношений – вот неполный перечень крупных проблем от древности до отмены крепостного права, которыми занимались историки России, в том числе и периода XV–XVIII вв. В те же десятилетия начали разрабатываться демографические вопросы, нацеленные по преимуществу на изучение миграционных процессов, в которые отливала протест трудящихся слоев против усиления феодального гнета. В 1960-1970-е гг. в рамках решения проблемы о вызревании и эволюции феодальной земельной собственности развернулась оживленная дискуссия между московскими и ленинградскими учеными о сущностном характере землевладения черносошных крестьян, категории, не находившейся в XV–XVII вв. в частнофеодальной зависимости. Временами, например в 1978 г., она принимала достаточно острые формы. Перечисленные и другие проблемы решались в основном на материале источников, из которых можно извлечь более или менее массовые данные, пригодные для количественной обработки и статистических выкладок, получения временных сопоставительных срезов, их анализа и построения моделей. Можно сказать, что в области социально-экономических исследований преобладали работы, сходные с исследованиями этапа «серийной», социально-структурной истории в зарубежной историографии.

Занимаясь на междисциплинарном стыке историей севернорусской группы крестьян – монастырских и помещичьих, а также черносошных в XVII–XVIII вв., я столкнулась с информацией источников, которая не укладывалась в ложе «серий». Из документов проступали, словно глубинные пласты, несколько иные, чем отраженные в историографии второй половины XX в., отношения землевладельцев с крестьянами, связи крестьян внутри общины и между собой, и главное – люди. Появилось стремление глубже разобраться в сути существовавших взаимоотношений. Тем более, что через работы отечественных медиевистов М. А. Барга, А. Д. Люблинской, А. Я. Гуревича, А. Р. Корсунского, Ю. Л. Бессмертного, В. М. Далина и других ученых было возможно познакомиться с освещением проблем социальной истории в западной историографии с 1950-х гг. В ней, несомненно, выделялось мощное направление, представленное французскими историками, которые группировались вокруг журнала «Анналы»¹.

В этом направлении существовало несколько течений. Одно из них – историко-антропологическое, которое реализовалось в социально-культурном контексте. Оно восходит к фран-

¹ См.: Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.

цузской историографии 1960–1980 гг. и работам историков Ф. Броделя, Ж. Дюби, Э. Ле Руа Ладюри, Ж. Ле Гоффа, Р. Шартье, А. Бюргера и др., хотя концептуально их работы не находились в едином русле. На разработки этого направления откликнулись историки других стран – К. Гинзбург, У. Раульф, П. Берк, Э. Томпсон, Н. Земон Дэвис, В. Кула и др., а среди отечественных медиевистов – А. Я. Гуревич, Ю. Л. Бессмертный, А. Л. Ястребицкая и др. Историческая мысль в обширном пространстве исторической антропологии развивалась в ракурсе углубленного познания: самого человека прошлого и его инкорпорации в социальную сферу – семью, систему родства; демографических процессов и отношений, социальных связей; экономической составляющей – обмена, экономического поведения, отношения к богатству и бедности, влияния религии и этики на проявления экономики; категорий культуры – народных верований и ритуалов, представлений о мире, времени, мифе, символики жестов, соотношения народной и ученой культур. Значительное внимание в 1970–1980-х гг. уделялось раскрытию устройства и действия разных социальных общностей – прихода, корпорации, общины, их внутренней среде и разноуровневым связям, многообразию соотношений микроструктур между собой. Подход к обществу как единому организму с взаимодействием всех его составляющих, находящихся в сложной системе разнонаправленных связей, обусловил изучение истории ментальностей – устойчивых систем ценностей, мировидческих представлений, стереотипов поведения и т. п. у людей прошлого разных культур, влиявших на их сознание, реконструкцию «картины мира». Постепенно происходило сосредоточение на культурном постижении социальных явлений, на погружении в микроисторию (направление возникло в Италии среди ученых, группировавшихся вокруг журнала «*Quaderni storici*»), когда изменялся масштаб и ракурс изучения за счет углубленного проникновения в частную судьбу индивида, семьи, микрогруппы, принадлежащих к какому-либо из городских или сельских социальных сообществ, с ориентацией на осмысление целостного исторического контекста. В 1990-х гг. интерес историков смещается от социокультурной истории к культурной истории социального. В области последней прослеживается повышенное внимание к представлениям людей об окружающей действительности и способах ее восприятия, в соответствии с которыми они принимают те или иные решения в своей социальной практике и таким образом осознают свое место в реальном мире. Модели поведения задаются социальным опытом, который обусловлен повседневностью человеческого бытия, и ее исследование на разных хронологических отрезках и для разных социальных общностей обретает свою самостоятельность².

Отечественная литература по истории России лишь в малой степени затрагивала отдельные из таких сюжетов. Крестьянский двор, семья, община исследовались в историографии 1960–1980-х гг. как социально-экономические образования, которые обеспечивали производительность феодального владения, а также с точки зрения их имущественной обеспеченности и дифференциации (В. А. Александров, А. Л. Шапиро, А. И. Копанев, Н. А. Горская, Ю. А. Тихонов, Н. А. Миненко и др.). Отношения индивидов внутри этих социальных струк-

² Отклик о развитии направлений в зарубежной историографии см.: Гуревич А. Я. Указ. соч.; История ментальностей и историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996; Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 8–72, 224–284; Дингес Мартин. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» //Одиссей. Человек в истории. М., 2000. С. 96–124; Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории. СПб., 2003; Уваров П. Ю. Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004. С. 23–70; Эксле О. Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007; и др. Реакцию отечественных медиевистов на историографические вызовы, например, см.: Женщина, брак, семья до начала нового времени: Демографические и социокультурные аспекты. М., 1993; Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996; Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000; Уваров П. Ю. Указ. соч.; Винокурова М. В. Мир английского манора (по земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI – начала XVII века). М., 2004. См. также публикации в альманахах: «Одиссей. Человек в истории», «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории».

тур были почти не изучены. Контакты же крестьян в деревне и волости были разнообразнее, чем только по поводу раскладки и уплаты тяглых и других фискальных платежей.

В данной работе предпринята попытка заполнить имеющуюся проблемно-тематическую лауну и выяснить, как действовал крестьянин в деревенской действительности XVII в., реализуя в повседневности свой индивидуальный опыт, какова была сеть внутренних – семейных, деревенских – связей, отношений за границами «своего» микромира, насколько типичны были принимаемые решения в существовавших обстоятельствах, что позволит выявить ценностные ориентации и мировидческие представления. Культурно-исторический подход не исключает обращения к социальным экскурсам, что вкпе способствует углубленной трактовке образа, стиля жизни крестьян и обновленному пониманию социальной природы российской деревни.

В центре внимания исследования находятся социальные общности – семья и мир, составлявшие значимые, причем разновеликие, групповые образования сельского социума XVI–XVIII вв., в которых протекала повседневная жизнь человека. Естественно, что они существовали также за рамками обозначенной хронологии и в какой-то мере их можно считать константными. Каждый крестьянин по рождению и потомственно принадлежал к дому-двору, был членом земского мира и вступал в мелкие формальные и неформальные группы. Человек в силу родства и свойства, кумовства, возраста, состоятельности мог одновременно входить в разные подобные объединения. Они накладывались друг на друга и пересекались, в результате чего в деревне и общине существовала сеть неоднозначных связей. В результате культурной трансмиссии в семье и общине человек получал трудовые навыки, религиозные, моральные и этические ценности, под действием которых у него складывалась картина мира. Включенность индивида в межличностные и коллективные отношения, пронизывавшие повседневность бытия, корректировала его мировидение. Крестьянское сообщество – традиционно, как его экономика. В нем действуют «иные представления о должном и сущем, нежели в обществе, основывающемся на принципе индивидуализма и вещном обмене. Среди качеств, отличавших достойного человека, в традиционном крестьянском менталитете на первый план выходила нравственность, жизнь по правде и совести. Эти черты были пронесены крестьянством через всю многовековую традиционную стадию общественного развития и нашли отражение в фольклоре даже на последних ее этапах»³. Однако при изучении сельских, впрочем, как и других общностей важен подход к ним как к подвижным, изменяющимся, живым, а не статичным, застывшим. Трансформации, которым они подвергались, хотя и замедленные во времени, зависели от разных объективных и субъективных обстоятельств.

Конкретно тема раскрывается на материале севернорусской деревни, черносозной и владельческой, конца XVI – начала XVIII в. Целесообразно охарактеризовать такие константы крестьянской повседневности: двор и деревня как место обитания и хозяйствования семьи, общинный мир как средоточие разнообразных соседских связей, средства жизнеобеспечения, хозяйственное поведение, а также ментально-культурные категории – пространство и время, праздники. Важность рассмотрения названных тематических сюжетов дополнительно стимулируется и тем, что «отношения в крестьянской среде, т. е. отношения в основной массе тогдашнего (средневекового – *Е. III.*) общества, исследованы медиевистами в самой ограниченной степени, их природа все еще темна для историков»⁴. Это мнение А. Я. Гуревича в полной мере приложимо к изучению крестьянских общностей позднесредневековой России.

Предпринимаемое исследование диктует свои требования к источниковой информации, которая добывается не путем увеличения ее количества, а за счет качественно иного, чем это практиковалось в историографии ранее, набора задаваемых источникам вопросов. Конечно

³ Данилова Л. В. Сельская верхушка в средневековой Руси // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 35.

⁴ Гуревич А. Я. «Феодалное средневековье»: что это такое? // Одиссей. Человек в истории. М., 2002. С. 273.

же, пристального внимания заслуживают документы и сведения, возникшие непосредственно в крестьянской среде. Следует отметить, что по северному региону сохранилась разнообразная и обширная документация XVII в. центральных учреждений – четвертей и уездных приказных изб, а также земских миров. Документы последних сохранились плохо по центральным и северо-западным уездам, где было распространено поместно-вотчинное землевладение. В них к тому же земское самоуправление в последней трети XVI в. заменили губные старосты и городовые приказчики. Привлекается все многообразие источников, и не только XVII в. Прежде всего, законодательные – это статьи Русской Правды, Судебников 1550 и 1589 гг., Соборного уложения 1649 г., узаконения за период 1550–1649 гг. из издания «Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в.» (Л., 1986). Затем разнохарактерные книги – писцового описания 1622–1625 гг. Сольвычегодского у., подворной ландратской переписи 1717 г. Вологодского у., расходные земских миров середины – конца XVII в. – черносозных Тотемского, Сольвычегодского, Устюжского у., монастырских Вологодского у. Используются документы, сложившиеся в работе миров черносозных и монастырских крестьян XVII – начала XVIII в., акты межкрестьянских поземельных сделок конца XVI – конца XVII в., разнородные челобитные крестьян, адресованные уездным воеводам и в Устюжскую четверть, церковно-монастырским властям, судебные дела и такие памятники как Стоглав 1551 г., Домострой. Другими словами, используется информация самого широкого диапазона, соответствующая поставленной задаче.

Что касается историографии, то она в прямом приложении к теме в отечественной русистике отсутствует. Однако это не значит, что отдельные сюжеты, представляющие интерес, совсем в ней не затрагивались. Некоторые данные можно почерпнуть в литературе как конца XIX – начала XX в., так и второй половины XX в. А. Я. Ефименко в работе, посвященной землевладению крестьян Подвинья, пожалуй, впервые привела много фактических данных из поземельных актов. Она рассмотрела вопрос о составе крестьянских семей, об устройстве деревень, о землях, находившихся в общем междеревенском пользовании, и их обороте – продаже, закладе, дарении⁵. М. А. Островская в книге о земельном быте северных крестьян уделила внимание расположению и типу поселений, путям сообщений, внутридеревенскому и междеревенскому пользованию землей, а также отдельным аспектам семейных отношений⁶.

Первостепенное значение из работ начала XX в., конечно же, имеет фундаментальный двухтомный труд М. М. Богословского о земском самоуправлении на Русском Севере в XVII в. Вклад ученого в изучение проблемы столь весом, что на некоторых поднятых им вопросах, соответствующих рассматриваемой теме, следует задержать внимание. Историк задался целью «изучить местное земское самоуправление в Московском государстве с его фактической, действительной стороны, показать, как учредительные грамоты XVI века осуществлялись в жизни»⁷, для чего он мобилизовал большой источниковый материал, почерпнутый из архивных хранилищ. Впервые в отечественной историографии М. М. Богословский подробно показал административно-территориальное деление Севера в XVII в. Он писал: «Административная карта Поморья в XVII в. – это причудливый узор, выведенный историей, создавшей местные разнообразия, а не геометрический чертеж, построенный законодателем, руководившимся началом единства и стиравшим все местные особенности»⁸. В этом высказывании подчеркнуты эволюционность и органичность складывания территориального деления региона в предыдущие века. В нем же улавливается некоторая доля иронии в адрес петровских

⁵ Ефименко А. Я. Крестьянское землевладение на Крайнем Севере: Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884.

⁶ Островская М. Л. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI–XVIII вв. СПб., 1913.

⁷ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. I. С. III.

⁸ Там же. С. 9.

административных преобразований⁹. М. М. Богословский на основе глубокой проработки сведений писцовых и переписных книг первой половины XVII в. в сочетании с делопроизводственными материалами Устюжской и Новгородской четвертей с большой обстоятельностью изложил устройство уездов и волостей в географически разных местностях северного региона, простиравшегося от Заонежья до Урала. Он обнаружил тесную зависимость сельского расселения от природных условий, впервые локализовал поморские волости, и эта работа по сей день имеет непреходящее значение. Северная деревня охарактеризована им как место обитания и сочетаемые с ним сельскохозяйственные угодья. Итоги и выводы М. М. Богословского были восприняты историографией, как современной ему, так и позднейшей, и не утратили своей ценности. Они оказали в определенной мере воздействие на формирование дисциплин, сложившихся во второй половине XX в. как самостоятельные, – исторической географии, включая топонимику, и демографии сельского населения.

Несомненной заслугой М. М. Богословского являются его веские суждения по мало исследованному на тот период вопросу о землевладении насельников Севера. Он обратился, прежде всего, к общественным группам, на которых лежали обязанности по отношению к государству. Таковы черные люди, они – «разновидность тяглых людей, это тяглецы, жившие и трудившиеся на государственной земле, посадские люди или государственные крестьяне». В противоположность им беломестец – человек нетяглый, служилый, и белая земля – свободна от тягла¹⁰. По поводу значения термина «черный» в Древней Руси историк писал: «Чернь – это то же, что мир, весь мир в смысле общества. Черная земля – это земля, не составляющая ничьей частной собственности, ничья, общая мирская»¹¹. Он поставил важный вопрос о праве черных крестьян в XVII в. на используемую ими землю. По сохранившимся документам крестьяне широко практиковали сделки купли-продажи земли, и они совершали «на свои участки все акты распоряжения», из чего возникает обманчивое впечатление о праве собственности владельцев на участки. Ученый пришел к убеждению, что достаточно ясен «взгляд правительства XVII в. на черную землю, как на землю, находящуюся в собственности государства и лишь во владении крестьян»¹². В итоге своего исследования М. М. Богословский дал следующую оценку положения северных крестьян: «Кажется, состояние черных крестьян в XVII в. можно обозначить, как состояние крестьян, живущих на черной государственной земле, прикрепленных к волостным обществам и обязанных самоуправляться в интересах государственного казначейства. Так, по крайней мере, смотрели на них в правительственных сферах XVII в.»¹³.

Важен поднятый историком вопрос о месте и роли земского самоуправления в системе государственной власти, который был изучен в ракурсе развивающейся в XVII в. чиновничьей бюрократии. «Механизм бюрократического управления представляет собою иерархически построенную систему должностных лиц, основанную на подчинении низших высшим и всю проникнутую недоверием высших к подчиненным». При подобном способе управления приказный проходит ступени возвышения благодаря своим личным достоинствам и дарованиям. Достигнув самого верха, он склонен переоценивать свои способности, и «отсюда та самоуверенность и самомнение, та привычка считать себя единственным обладателем знания и умения, то высокомерие к остальному обществу, которые отличают приказного дельца. Он имеет исключительное право на знание, он готов считать себя всеведущим. Общество, над которым он так высоко взлетел, кажется ему темной массой, которую он призван руководить с своего

⁹ М. М. Богословский посвятил реформам Петра I свой первый курс лекций 1898/99 г. и магистерскую диссертацию: «Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг.». М., 1902.

¹⁰ Богословский М. М. Земское самоуправление... Т. I. С. 50–51.

¹¹ Там же. С. 52.

¹² Там же. С. 53–61.

¹³ Там же. Т. II. М., 1912. С. 310.

высокого верха, куда голос общества до него не долетает»¹⁴. Оценка, данная приказному бюрократу, проистекает из глубокого знания функционирования управления XVII – начала XVIII в.

Ученый рассмотрел организацию местной администрации в уездах, которая возглавлялась в XVII в. воеводами. В северные города они назначались из приказов, которым административно подчинялся какой-либо уезд. Из Устюжской четверти воеводы получали назначения в Тотемский, Сольвычегодский, Устюжский уезды. На местах они действовали на основе полученного в четверти наказа, в котором фиксировались их обязанности. Ученый отмечает скрупулезную обстоятельность наказов воеводам. По наказам, указам и распоряжениям, посылаемым впоследствии из четверти воеводам, их ответным документам он прослеживает двухстороннюю связь центрального и местного аппаратов управления, показывает руководящую и контрольную роль четверти по отношению к уездной власти, т. к. ее глава по сколько-нибудь серьезному вопросу должен обращаться в центр. М. М. Богословский подытоживал свои рассуждения о воеводском управлении, главная задача которого «сквозит в каждой статье наказов. Не благосостояние местности, не общее благо населения имеют в виду все эти многочисленные, иногда нескладно выраженные и по несколько раз в одном и том же наказе повторенные предписания, а исключительно только интересы фиска, казенную прибыль, своевременное поступление сборов, отсутствие или, по крайней мере, наименьшие размеры недоимок. Параллельно с этим узко-фискальным взглядом на деятельность местной администрации в наказах повсюду виден чисто бюрократический дух недоверия высших органов власти к низшим, начальствующим к подчиненным. Подчиненный лишен всякой самостоятельности, связан по рукам и ногам, шагу не может ступить без разрешения высшей инстанции»¹⁵. Историк выразил свое явно негативное восприятие воеводской администрации. Он считал, что отсутствие у воевод свободы действий и их постоянная обязанность сноситься с четвертью имели своей оборотной стороной злоупотребления властью¹⁶.

М. М. Богословский уделил значительное внимание органам земского самоуправления и их обязанностям – финансовым, судебным, полицейским, которые были схожи с функциями, исполнявшимися воеводским аппаратом. Действительно, бытование на Севере двух разных по характеру управленческих звеньев вело к функциональному дублированию. Ученый раскрыл самостоятельность миров в проведении выборов, в которые воеводы не вмешивались. Он уловил двойственную суть земских властей: «Оставаясь земскими по своему происхождению путем выборов, они становились государственными по источнику своих полномочий, даваемых им государственной властью, и по тем целям, во имя которых они должны были действовать»¹⁷. Однако в этой позиции историка государственное начало подчиняет выборное, имевшееся у земских миров. Эта трактовка связана с тем, что историк не считал северные волостные миры общинами и отделял вопросы самоуправления от землевладения.

Община русских крестьян, как выяснили отечественные ученые много позже, во второй половине XX в., представляла собой довольно замкнутую социальную систему, во-первых, инкорпорированную в частное, поместно-вотчинное владение, и во-вторых, в поморском черносотном регионе встроенную как относительно самостоятельное звено в систему государственного хозяйствования и управления. Должностные лица северных миров, во-первых, избирались и сами выборы не зависели от государственного вмешательства, во-вторых, они периодически сменялись, в-третьих, действовали самостоятельно. Мирской аппарат, как традиционный управленческий орган общины, в соответствии с обычаем решал разнообразные земельные, тягло-финансовые, судебно-полицейские и другие насущные дела. Дальнейшие

¹⁴ Там же. С. 261, 262.

¹⁵ Там же. С. 271–275.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Богословский М. М. Земское самоуправление... Т. I. С. 321.

исследования продолжили направление, начатое М. М. Богословским, и показали, что государственное местное управление в XVII в. не могло обойтись без земского звена¹⁸.

Монография М. М. Богословского была первым в российской историографии масштабным сочинением по истории поморского Севера, отличного от помеотно-вотчинного Центра России. Она с точки зрения современного познания исторического процесса, полагаю, вполне вписывается в нынешнее направление трудов по локальной истории. Главное в них не регионально-территориальный принцип, а анализ реальных социальных групп локального уровня, характеристика конкретных общностей и индивидов. Региональное, стратифицированное общество поморского Севера, безусловно, предстает из труда историка как целостность.

Большой интерес для темы данного исследования в литературе последней трети XX в. представляют две монографии А. И. Копанева о крестьянах Севера в XVI и XVII вв. Они теснейшим образом связаны между собой по содержанию и построению и только по формальным причинам вышли под несколько отличными названиями и с большим промежутком во времени¹⁹. Ученый использовал мало привлекавшиеся источники, такие как акты поземельных сделок, веревные, оценные книги, разрубные списки, появившиеся в результате хозяйственной деятельности крестьян. Глубокое проникновение в столь разные источники погружает читателя книг в самую толщу деревенской и волостной жизни черносочного Севера XVI–XVII вв.

Из работ А. И. Копанева предстает северная деревня, характерной особенностью которой была малодворность²⁰. Ученый установил, что в старых, давно заселенных уездах Двинском, Важском к середине XVI в. почти все пригодные для сельского хозяйства земли были культивированы. Новые селения если появлялись, то на пустошах, возобновляя прежние очаги земледелия²¹. При выяснении поземельного устройства деревни А. И. Копанев, пожалуй, впервые подробно прорисовал топографию деревенских полей, которая отражала постепенное, трудоемкое приращение мелкими клочками земельных угодий каждого владельца. Мозаичность и чересполосность небольших участков земли, причем расположенных в разных местах, была присуща хозяйству каждого крестьянина, а их число во владении двора достигало двух, а порой трех десятков. Даже угодья однодворной деревни не находились в едином массиве. Выразительно ландшафтно-топографическую разбросанность угодий отразили веревные книги XVII в., которые учитывали (в целях обложения) тщательно измеренные в веревках земельные клочки каждого дворохозяина. Книги возникли в крестьянских мирах Подвинья и сохранились только для этого района Поморья, а А. И. Копанев был не только глубоким интерпретатором их сведений, но и публикатором. В своих работах 1970–1980-х гг. ученый раскрыл реальную картину антропогенного воздействия на существовавшие в XVI–XVII вв. ландшафты, вплотную подойдя к важной проблеме изучения исторического ландшафта в целом и деревенского микроландшафта в частности²². В ходе своего исследования я не раз буду обращаться к монографиям М. М. Богословского и А. И. Копанева.

Следует отметить, что в последние годы интерес к истории повседневности в отечественной историографии России явно усилился. Об отдельных сюжетах, которые находятся в исследовательском поле повседневности, речь идет в первой части труда Л. В. Милова, озаглавленной «Великорусский пахарь в XVIII столетии»²³. Историк отметил отсутствие в советской

¹⁸ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 171; Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 232–246.

¹⁹ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978; Он же. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984.

²⁰ Он же. Крестьянство... в XVI в. С. 118–119.

²¹ Там же. С. 144–145.

²² В этой области появились интересные работы: Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003; Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 1–3. М., 2004–2005; Археология севернорусской деревни X–XIII веков. М., 2007–2009. Т. 1–3.

²³ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 31–379.

историографии «исследований повседневной истории, в то время как в зарубежной литературе эта тематика разрабатывалась и тщательно, и скрупулезно на протяжении целых десятилетий». Изучение крестьянского хозяйства не касалось технологии сельского производства, быта крестьян, и самое главное, по мнению ученого, отсутствовало «должное понимание роли природно-географического фактора» и его влияния на развитие Российского государства²⁴. В первой части монографии поэтому дана оценка значения природно-географической среды и ее воздействия на жизнь и труд крестьян. Вместе с тем характеризуются условия их хозяйствования – применяемые системы земледелия, орудия труда и приемы обработки почв, посевные культуры и их урожаи, способы уборки и хранения урожая, крестьянская изба и подворье, пища, одежда. Однако направленность рассмотрения этих вопросов находится в русле общей оценки производственных возможностей крестьянского хозяйства и земледельческой базы в стране в целом, что подводит историка к осмыслению российского общества, располагавшего минимальным объемом совокупного прибавочного продукта.

Повседневности горожан Бежецка в XVIII в. посвящена книга А. Б. Каменского. Этот небольшой провинциальный город, как считает автор, был типичным для центральной России. Выбор его в немалой степени был обусловлен сохранностью источников. Их информация определила конкретные сюжеты, которые изучает исследователь, степень их освещения. Большое место в книге уделено городской среде, самим горожанам, их занятиям, службам и повинностям. Рассмотрены конфликты бежечан, причины раздоров, способы их урегулирования, даны криминальные картины городской жизни. Кратко показаны также и семейные отношения горожан²⁵.

Повседневность подмосковных дворцовых усадеб во второй половине XVII в. стала предметом изучения А. В. Топычанова. Он опубликовал ценный комплекс документов приказной избы дворцового села Измайлова с очерком повседневной жизни этой усадьбы. Позже он сосредоточился на проявлениях повседневной культуры дворцовых сел в неразрывной связи со сложившимися в них документальными комплексами. На их основе исследователь прослеживает, как через делопроизводственные практики реализовалось управление дворцовыми селами, претворялось в жизнь локально-ситуативное поведение действующих лиц, какие слагаемые составляли культуру повседневности, что и формировало конкретный образ придворного общества второй половины XVII в.²⁶

Значительный интерес представляет труд швейцарского ученого Карстена Гёрке «Русская повседневность. История в новых временных образах», сложившийся на основе многолетнего чтения лекционного курса. В работу вовлечен солидный массив русских источников и литературы XIX–XX вв. Ученый вписывает изучение повседневности в культурный контекст исторической антропологии на 9 больших хронологических отрезках. Интересующий меня период включает 4 из них, это 1) IX столетие, 2) XII – начало XIII столетия, 3) XV столетие, 4) вторая половина XVII столетия. По каждому из периодов отдельно показана повседневность сельская и городская. Ценно имеющееся приложение русских источников, переведенных автором на немецкий язык. Неутешительно высказывание ученого: для XVII в. приходится констатировать, что современная история повседневности этого переходного времени еще не существует²⁷.

²⁴ Там же. С. 3–4.

²⁵ Каменский А. В. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М., 2006.

²⁶ Топычанов А. В. Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII века. М., 2004; Он же. Культура повседневности подмосковных дворцовых усадеб второй половины XVII в.: делопроизводственные источники и методы исследования. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2007.

²⁷ Goerke Carsten. Russischer Alltag. Eine Geschichte in neuen Zeitbildern vom Frömmittelalter bis zur Gegenwart. Bd. 1: Die Vormoderne. Zürich. 2003. S. 11–18, 254.

Необходимо заметить, что мои собственные наблюдения и выводы, изложенные в монографиях о севернорусских крестьянах, а также в книге о собственности в средневековой России, дали пищу для размышлений, реализуемых в предлагаемой работе²⁸.

Несколько слов о ее построении. В центре внимания – крестьяне в доме-дворе и деревне как месте обитания и хозяйствования, которые органично входят в сельские миры. Для средневекового русского общества понятие «мир» было многозначным. Оно включало в себя макрокосм, человечество вообще, людей, объединение людей, и в таком смысле «мир» – универсум. Однако средневековый человек обретался в своем мире, т. е. сообществе социально себе подобных. «Мир» крестьян сочетал групповую ассоциацию и жизнь в определенном пространстве, а таким на Севере была волость с существовавшими в ней разновеликими поселенческими системами. Характерно, что крестьяне по отношению к своему сообществу употребляют как раз выражение «мир», а не община.

Начать рассмотрение, полагаю, необходимо с нижней ступени, а именно с семьи. Затем показать то пространство, в котором она действовала. Главы дворохозяйств, будучи владельцами земельных участков, несли конкретные социальные обязательства и представляли интересы семьи как члены общин. Крестьяне, реализуя те или иные потребности и обязанности, вступали в контакты не только между собой на уровне деревни, но и с должностными лицами земского мира, а также местной административной власти. Представители этих двух общественных ступеней находились, конечно, на более высоком уровне, чем крестьянин в деревне, и были носителями иных способов поведения вследствие неравного социального, экономического, политического положения и влияния, особенно воеводы со своим аппаратом. Однако никто из крестьян не был застрахован от необходимости обращения в приказную избу или к воеводе, например, с челобитной по какому-либо поводу. Логично поэтому рассмотреть другой культурный срез – воеводский двор и повседневную обстановку в нем, так как он был центром, где фокусировались публичные и частные связи, а в их орбиту, пусть эпизодически, мог попасть любой горожанин и крестьянин. В нем же проявлялись скрытые стороны жизни представителей иной общественной группы, входившей в правящий слой.

* * *

Приношу глубокую благодарность сотрудникам архивов, где мне пришлось работать, и прежде всего РГАДА, которые на протяжении многих лет оказывали мне содействие и внимание. Моя сердечная признательность коллегам по Археографической комиссии за доброе отношение, дружескую поддержку и ценные советы. Я благодарна своим друзьям за постоянную помощь и поддержку, которые они оказывали мне в годы работы над книгой, за проявляемый интерес к ней, за терпение и умение слушать. На разных этапах Российский гуманитарный научный фонд содействовал исследованию темы и изданию монографии.

²⁸ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в. М., 1976; Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII в. М., 1997; Собственность в России: Средневековье и раннее новое время. М., 2001. Гл. 4, 5.

Глава 1

Крестьянская семья XVI– XVIII вв.: понятие и демография

Изучение русской семьи в отечественной науке началось примерно с середины 1950-х гг. в этнологии. В последующие два десятилетия оно достаточно интенсивно развивалось в исследованиях по истории России XVI – первой половины XIX в. Этот процесс шел параллельно с подобным же процессом в зарубежной историографии²⁹. Однако в истории России семья не стала самостоятельным объектом изучения. В рамках дисциплины, которая за рубежом сложилась как демографическая история, соединилось изучение семьи и частной жизни. Последняя предметом своего рассмотрения считает жизнь «домашнюю», в семье и по канонам обычного права, которая противостоит публичной³⁰.

Публичная и частная сферы в обществах средневековья и раннего нового времени переплетены, они трудно разделяются, соотносясь в едином социальном пространстве, взаимно дополняя друг друга. Ю. Л. Бессмертный высказал справедливую мысль об известной сложности, возникающей у медиевиста или историка раннего нового времени, вынужденного решать, «к какой сфере отнести межличностные отношения вне семьи и домохозяйства, лежащие в основе довольно густой сети горизонтальных и вертикальных связей (в том числе «сеньор-вассал», «патрон-клиент»)». Он подчеркивал, что присущая средневековью невыделенность индивида из традиционных коллективных структур и переплетение частного и публичного начал в сфере феодального владения существуют в разных плоскостях, хотя и имеют в подоснове общие моменты³¹.

Сюжеты, касающиеся важнейшей проблемы исторической демографии, а именно семьи, в историографии отечественной истории характеризовались, по преимуществу, для получения суждений о воспроизводстве населения и социальных отношениях. Существуют две крупные проблемы российской истории, в связи с которыми с 1960-х гг. изучалась крестьянская семья: 1) колонизационно-миграционные процессы, хозяйственное освоение новых территорий и формирование на них постоянного населения и 2) экономическая мощь крестьянского хозяйства с упором на выявление его рабочих ресурсов³². Социально-психологические и культурно-исторические аспекты истории семьи, обстоятельно изучаемые в западноевропейской и американской литературе, а также в отечественной медиевистике³³, сравнительно мало исследуются историками средневековой России.

Н. А. Горская в монографии, которая подытожила накопленные достижения в области исторической демографии России с точки зрения ее главной составляющей – народонаселения, уделила внимание достаточно широкому кругу проблем. В книге охарактеризованы для эпохи феодализма: динамика численности населения, его состава, плотности; миграции населения; а также процессы воспроизводства населения (естественное движение как социально

²⁹ Бессмертный Ю. Л. Новая демографическая история // Одиссей. М., 1994. С. 244.

³⁰ Там же. С. 245.

³¹ Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 27–28.

³² Швейковская Е. Н. Крестьянская семья и община как категории социальной структуры феодальной России (конец XV–XVII вв.) // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). Вып. I. Таллин, 1986. С. 5–6.

³³ См.: Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. Особенно гл. 1, 4, 6; Женщина, брак, семья до начала нового времени. Демографические и социокультурные аспекты. М., 1993; Бессмертный Ю. Л. Историко-демографические процессы в Западной Европе XVI–XVIII вв. в современной науке // Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989. Он же. Новая демографическая история; Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996.

детерминируемый процесс) и законы демографического развития; история демографической политики. Рассматривая аспекты, в которых изучались процессы воспроизводства населения в XVI–XVII веках, Н. А. Горская свидетельствует, что история семьи интересовала исследователей с точки зрения ее состава, численности, структуры, а в конечном счете, определения рабочего потенциала дворохозяев. Неутешительно звучала и остается актуальной констатация автора: «Семейно-брачные отношения XVI–XVII вв. во всем их комплексе историографии не имеют». Изучение таких вопросов как представления о браке, детях и их месте в жизни семьи, сексуальной морали – назревшая необходимость³⁴.

Темы и подходы, присутствующие в исследованиях российских демографических процессов, на которые обращали внимание историки, обусловлены до некоторой степени источниками XVI–XVIII вв. В первую очередь использовались те из них, которые содержат данные, пригодные для «статистических» выкладок. Сложившаяся историографическая ситуация по проблемам исторической демографии России, дополненная источниковой спецификой, а она состоит в преобладании фискально-податных документов в масштабах государства и частновладельческой вотчины, осложняет разработку сюжетов о внутрисемейных отношениях, ментальных представлениях, повседневных проявлениях частной жизни крестьян и посадских людей, которые были включены в свои микромиры. Штудии такого рода, безусловно, необходимы и направлены на познание многогранности социальной жизни прошлого. Вместе с тем важно разобраться в общих нормах, которые действовали в тот или иной конкретный период и были присущи разным социальным общностям, что позволит ярче высветить обнаруженные характеристики. Несомненно, семья как раз была и остается важнейшей из таких общностей.

Понимание малой семьи как индивидуальной (нуклеарной) не вызывает у исследователей отечественной истории разногласий. Семьи разветвленного состава, тем более с боковыми родственниками, противопоставляются малой семье и обозначаются по-разному: сложная, большая, неразделенная³⁵. Ученые, подходя к крестьянской семье чаще всего как к хозяйственной ячейке, выясняли ее форму и модификации в зависимости от социально-экономических условий XV–XVIII вв. Отдавая себе отчет в том, что численность семьи интересна как сама по себе, так и для выяснения ее внутреннего строя, отмечу следующее обстоятельство. Историки определяют численность для изучаемого периода, как правило, на основе источников писцового и переписного характера, а они в силу основной цели составления не всегда дают возможность реконструировать родство, а тем более проникнуть во внутренние отношения семьи. По этим материалам достаточно хорошо устанавливается величина семей, хуже их родственный состав, а извлекаемые данные легко подвергаются количественной обработке. Замечу, что численность семей уже несет скрытую информацию об их составе. На протяжении длительного периода с XV по середину XIX в. число жителей во дворе в зависимости от региона, владельческой принадлежности крестьян, формы ренты колебалось от 5 до 10 чел. обоего пола. Исследователи установили постепенное укрупнение двора с 5–6 чел. в конце XV – начале XVI в. до 7–8 чел. в конце XVII – середине XVIII в.³⁶

Накопившиеся к 1980-м гг. историографические данные по структуре крестьянской семьи обобщил В. А. Александров и предложил ее классификацию. Одна из причин, побудивших его сосредоточить усилия на типологических изысканиях, состояла в том, что в литера-

³⁴ Горская Н. А. Историческая демография России эпохи феодализма. М., 1994. С. 9, 15, 128, 134.

³⁵ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962; Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л. О формах черного крестьянского землевладения XIV–XVII вв. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972; Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Л., 1974; Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV–XV в. М., 1955; Она же. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994; и др.

³⁶ Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII – начало XIX в. М., 1984. С. 52; Горская Н. А. Указ соч. С. 104.

туре существовал устойчивый взгляд на большую семью, которая генетически связывалась с первобытной семейной общиной и даже в позднефеодальное время не меняла своей архаической сущности. Ярким выразителем этой точки зрения был М.О. Косвен, считавший большую семью патронимией³⁷. В. А. Александров, привлекая репрезентативный материал, установил господство малой семьи как главной институциональной формы на протяжении эпохи феодализма. Она, в зависимости от конкретных условий, пульсировала к неразделенной. Отцовские и братские семьи XVII – середины XIX в., появлявшиеся в результате регенерации малой семьи, не имели ничего общего с большой семьей в понимании М. О. Косвена, который уподоблял ее семейной общине – патронимии. Большая семья на Руси была стадийным институтом и соответствовала более ранним этапам общественного развития³⁸.

В. А. Александров был первым из отечественных историков, который во второй половине XX в. уделил специальное внимание обычному праву крестьян и раскрытию семейно-имущественных отношений, бытовавших у них. Ученый пришел к первостепенному заключению, что совокупность традиционных норм в этой важной сфере жизни отражала общую систему обычного права для всего русского крестьянства. Она была достаточно развитой и рациональной. В ней выделялись три главных принципа: 1) обеспечение хозяйствования крестьянской семьи; 2) поддержка ее нетрудоспособных членов; 3) условность разграничения между общим и личным имуществом в хозяйстве.

Показательно, что движимое и недвижимое имущества существовали в правовом мышлении крестьян как единый комплекс, и его общность была рационально обусловлена потребностями земледельческого производства. Хозяйственную дееспособность двора поддерживали как раз обычно-правовые нормы. Именно общесемейная сущность имущества, акцентировал свою мысль ученый, составляла принципиальный компонент обычного права, причем традиционно сохраняемый. Эта черта отличала его от права писаного государственного, определявшего индивидуальные права отдельных членов семьи на разные виды имущества. В крестьянских семьях каждый мужчина, способный возглавить хозяйство, претендовал надолго в общесемейном имуществе. Подробно разобрав права прямых и боковых родственников, В. А. Александров сделал ценный вывод о подчинении имущественных отношений в семьях разных типов интересам малой семьи и необходимо подчеркнуть, как основы семейного строя. В сфере имущественных отношений обычноправовые нормы бытовали наиболее стойко и находились на страже материальных интересов семьи в целом³⁹.

Оценивая значение обычного права в феодальной деревне, В. А. Александров считал, что оно, способствуя стабилизации и воспроизводству семейных, общинных и общественных отношений, притормаживало имущественное расслоение среди крестьян, нивелируя положение отдельных семей. Обычноправовые нормы играли первостепенную, но «защитную роль, будучи инструментом сословия, борющегося за существование своего хозяйства». Тональность же инструмента изменялась в зависимости от складывавшихся обстоятельств в существовании сословия.

Из сказанного ясно, что историография 1960–1980 гг. накопила достаточный материал для суждений о семье – ее типах, строе, обычно-правовых основаниях на имущество. Однако сложилась парадоксальная ситуация: ученые, изучая столь первостепенное, социально значимое, кровно-родственное объединение, не задались вопросом, как оно обозначалось в российском обществе XVI–XVII вв. и какой термин для этого употреблялся? По-видимому, априорно считалось, что если институция бытовала, то существовало и общее понятие для ее маркиро-

³⁷ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

³⁸ Александров В. А. Указ соч. С. 42–69, 58, 61, 69.

³⁹ Там же. С. 244, 246–247.

вания. И все-таки соответствовало ли столь привычное для нас слово «семья» всецело вкладываемому в него тогда содержанию?

Полагаю, что этот вопрос существенен и заслуживает специального рассмотрения, ибо имеет культурно-ценностное значение. Если термин «семья» осознавался в качестве обозначения явно действующей социальной общности, то он, я полагаю, должен был отразиться в публично-правовых актах. Всякий нормативный акт, в том числе и законодательный, аккумуляровал и фиксировал существовавшую практику и нормировал на будущее сходные положения. Поэтому на любой из актов можно опереться, так как при его составлении принимались во внимание имевшиеся прецеденты по тому или иному вопросу. Конечно, следует учитывать, что такое обобщение не исчерпывало многообразия жизненных ситуаций.

Для этой цели были проработаны 345 законодательных постановлений за столетний период между Судебником 1550 г. и Соборным уложением 1649 г., которые опубликованы в издании «Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в.». Из них только в двух встречается термин «семья». Во-первых, в приговоре о губных делах 1556 г. в связи с коллизией ведения следствия, при которой «в обысках многие люди лгут семьями и заговоры великими: иные говорят по ищее, а иные по ответчиках»⁴⁰. В расследование уголовных дел входила процедура массового опроса жителей – «повальный обыск», в орбиту которого и попадали «семьи», дававшие лживые показания. Во-вторых, в одной из статей Уложения 1607 г. о найме землевладельцем-вотчинником чужих крестьян на сезонную работу на срок, не превышающий года. В ней ставится условие: «А придет к кому крестьянин наняться на работу на лето или на зиму или на весь год», он может это сделать «один», а «не семьею»⁴¹. Стилистика данной статьи говорит об обыденности для крестьян сезонной работы на срок, она разрешает передвижение крестьян и индивидуальный найм работника при том, что его семья остается на прежнем месте. В статье Уложения, предшествующей упомянутой, речь идет о возвращении крестьян прежним владельцам «с женами и детьми» и со всем имуществом на основании писцовых книг 1592/93 г. Учитывая ее содержание, становится ясно, что понятие «семья» объединяло супругов с детьми, правда, неясно, имелись в виду дети малолетние или женатые.

Показательно, что термин «семья» лишь дважды встретился в публично-правовых узаконениях с временным разрывом в полвека. В одном случае упоминание – глухое, без раскрытия содержания, во втором крестьянин, нанимающийся на работу, противопоставлен семье, и в обоих – упоминание семьи попутное, в связи с конкретным поводом. Все же можно понять, что подразумевается некая группа, в которую входили мужчины, их жены и дети.

Отдельные из законодательных актов, нормируя определенные положения и обстоятельства (например, бегство, заклад земли), воспроизводят семейно-родственные линии. При этом из статей проступают ненамеренно отображенные ситуации и коллизии крестьянской жизни. Попадая в узаконения и применяясь затем в практике, такие случаи приобретали некую общность и регламентирующую силу.

Прежде всего, из публичных актов вырисовывается состав родственников. Каков же он? Среди людей, предъявлявших неоформленные завещания (1561 г.), перечислены отцы и матери, «и сестры и племянницы свои», а также жены. Дети, братья, племянники стрельцов, «которые живут с ними в их дворах на одном хлебе», приняты во внимание в указе 1608/09 г.

⁴⁰ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. № 16. С. 39. В несколько иной редакции это постановление вошло в Судебник 1589 г.: «Шлютца с суда ищее и ответчик на мир в обыск, и в обысках многие люди лгут семьями и заговоры великими, – иные молвят по ищее, а иные по ответчике, и по тем лживым обыскам дел не вершати» (Судебники XV–XVI вв. М.; Л., 1952. С. 409).

⁴¹ Законодательные акты Русского государства... № 57. С. 75.

Заложенные (но не более 40 лет назад) предками земли – отцами, дядями, братьями могли выкупать крестьяне Сольвычегодского уезда (1625 г.)⁴².

Крестьяне – главы дворов в XVII в., как известно, заносились в писцовые, а позже в переписные книги, о чем свидетельствуют наказы, выдаваемые писцам, о проведении поземельных описаний 1620-х гг. и подворных переписей 1646 и 1678 гг. Они представляли собой подробные инструкции, разработанные приказными администраторами. Наказы рекомендовали переписывать во дворах «людей» (1620-е), дворы и в них крестьян (1646, 1678 гг.) поименно, причем не только глав, но и их «детей и братью и племянников»⁴³. Статьи наказов универсальны, они включались в инструкции писцам и переписчикам всех уездов страны. Поименное внесение в писцовые, а позже в переписные книги мужчин – глав семей с основными родственниками воспроизводило типичность связей родства, которая, конечно же, с вариациями по регионам, была в XVI–XVIII вв. устойчива.

Из приведенных государственных постановлений виден определенный состав родственников, строящийся по мужской нисходящей прямой (отцы-сыновья) и боковой (братья, племянники) линиям, а также по восходящей (отцы, дяди), по женской (матери, сестры, племянницы) и по брачной (жены, мачехи, зятья) линиям. Ясно, что отсчет родства в соответствии с существовавшей в обществе гендерно дифференцированной ориентацией ведется по отношению к мужчине – главе семьи-двора. Примечательно, что не упоминались семьи с дедами и внуками. Присутствующее в наказах фиксирование родственников, ограниченное двумя поколениями, можно связать с тем, что законодотворцы считали вполне достаточным назвать родственников близких, наиболее распространенных степеней, а не обозначить специально всех родственников. Данное обстоятельство говорит в пользу существования двухпоколенного родства как наиболее типичного и вместе с тем служит знаком, указывающим на имевшееся у государственных администраторов опосредованное представление о характерности именно таких семей и нечастом бытовании трехпоколенных семей.

Из законодательных актов узнаем также об изменениях, происходивших в составе семей. В случаях, когда «от отца детям или от тестя зять или от брата братия отделяются и ставят новые дворы», монастырям разрешалось увеличивать число своих дворов на посадах и в городских слободах (1550 г.). Выделение сыновей из отцовских домохозяйств («и которые породятся после той переписи и учнут жить своими дворами вновь») предусматривал наказ о переписи 1646 г. Еще обстоятельнее о родственниках, образующих новые семейные и домохозяйственные ячейки, в которые «отделились от отцов дети и от вотчимов пасынки и от братьев братья и от дядей племянники, и живут себе дворами», говорит постановление 1647 г., дополняющее наказ о переписи от предыдущего года⁴⁴. Правительственные узаконения, которые посвящены отнюдь не демографическим вопросам, тем не менее уловили естественное движение в крестьянских семьях («которые породятся... вновь», «отделились от отцов») и тем самым изменения в состоянии и структуре семей. В актах, как само собой разумеющееся явление, зафиксированы разные варианты выделов семей: из отцовских – взрослых сыновей и замужних дочерей (зятья), из братских – одного брата с семьей от других, от дядей – взрослых племянников, скорее всего женатых.

Из рассмотренных публичноправовых актов XVI–XVII вв. ясно виден достаточный охват родственников, в который включаются периферийные ступени родства и даже свойства. Показательно, что узаконения называют родственников конкретно, и их перечисление выражает степень родства по отношению к мужчине – главе двора-семьи. Характерно, что такое номи-

⁴² Там же. № 35, 61, 145. С. 54, 78, 125.

⁴³ АПД. М., 1917. С. 66, 79; Там же. М., 1977. С. 78, 79.

⁴⁴ Законодательные акты Русского государства... № 3, 311, 324. С. 30, 214–215, 218–219.

нирование представлено в описательной форме⁴⁵. Важно заострить на этом факте внимание. Законодотворцы XVI–XVII вв. в своей практике почти не употребляют в отношении рассматриваемой структурной группы социального обобщения, термин «семья» не фигурирует в их понятийном аппарате. Одним из объяснений отмеченного обстоятельства может стать прева-лирование патрилинейного счета родства, его ориентация больше на родственные связи, чем на брачные. К тому же с XI–XII вв. заключение брака и оформление семьи, ее внутренняя жизнь находились в ведении церкви⁴⁶, а не светских властей. Однако этот вопрос требует самостоятельной проработки.

Указ 1647 г., называющий отчимов и пасынков, представляет дополнительный интерес, ибо обычай о приеме в семью зятя к дочери, а также мужа к вдове с детьми попал в законодательные акты. В поле его зрения, как и цитированного выше указа 1608/09 г. о стрельцах, оказалась даже организация ведения семейной жизни. Оба указа отреагировали на совместное проживание и хозяйствование главы семьи и его детей или братьев и племянников, что выражено оборотом в «одном хлебе». Он подчеркивает нераздельность семейного коллектива с одним главой, состоявшего из нескольких ячеек, его цельность, крепившуюся общими доходами и хозяйствованием. Замечу, что данное понятие присутствует в ст. 94, 95 Псковской судной грамоты. Оно применено к объединенному хозяйству братьев, совокупно несущих ответственность за отцовский долг, которая возлагается на старшего из них – главу дома⁴⁷. Показательно длительное, двухвековое бытование емкого по смыслу и точного по содержательной сути оборота «в одном хлебе», который стереотипно отражал единство дома, наполненного жителями разной степени родства и ведшими общее хозяйство.

Из просмотренных государственных узаконений предстает тендерный статус женщины. При патрилинейном счете родства субординационное включение женщин в семейные коллективы автоматически подразумевалось; в отдельных случаях, как видно из выше приведенных актов, присутствует социально окрашенный родственный (мать, дочь, сестра, племянница) или брачный (жена, мачеха) статус женщины. Типичные житейские ситуации отражены в узаконениях, связанных с побегам и «сходами» крестьян от своих землевладельцев. Бегство мужчин воспринималось в тогдашнем обществе как естественный поступок (во всяком случае, до Уложения 1649 г.), и источники специально не заостряют на этом внимания. А вот бегство женщин привлекает пристальный взгляд законодателей. Они рассматривают случаи, когда «побежит женка или вдова или девка в чужую вотчину» (Уложение 1607 г.). Интересно, выделение в статье трех стадий в жизни женщины: до замужества – «девка», замужество – «женка» и вдовство. Характерно, что второй этап – «женка» выдвинут на первый план, на следующее место поставлена вдова и на последнее – девушка. Такой порядок отразил существовавшее в тогдашнем обществе ценностное представление о первостепенности репродуктивного этапа в социальной жизни женщины, когда фертильная способность женщины-матери обеспечивает не только выживание, но и демографический прирост в поместно-вотчинном владении в частности и в государственном масштабе в целом. Это воззрение, по всей вероятности, восходит к раннефе-

⁴⁵ О. Н. Трубачев отметил, что описательная система родства, действующая в «современных индоевропейских языках», описывает «индивидуальные отношения родственников, разграничивая то, что не было существенно в древности», когда действовала классификаторская система, при которой каждый индивид имел собственное обозначение. «Описательная система, – продолжает ученый, – сменила классификаторскую у индоевропейцев, судя по всему, в глубокой древности, и говоря о славянской терминологии родства, мы понимаем, насколько далека она от классификаторской системы родства, от матриархата в целом. Но в материальном отношении основные славянские названия являются непрерывным продолжением тех индоевропейских, которые порождены древнейшей эпохой» (Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. Изд. 2. М., 2006. С. 14).

⁴⁶ Шапов Я. Н. О функциях общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 15–16; Он же. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси XI–XIII вв. М., 1978. С. 253.

⁴⁷ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980. С. 108–109; Он же. Псковская судная грамота. Текст, комментарий, исследование. Псков, 1997. С. 45, 78.

одальному времени, когда община была заинтересована в материальной помощи женщине ее мужа, а также в замужестве девушки, получавшей с выходом замуж такую поддержку⁴⁸. Важна следующая примечательная деталь. Уложение 1649 г. в статьях о бегстве женщин предусматривает случаи, когда «из вотчины или и с поместья сбежит крестьянская дочь девка» или «крестьянка вдова»⁴⁹, но не «женка», как говорило Уложение 1607 г. Что же, по истечении почти полувека законодатели не допускали ситуации, в которой женщина, жена и мать, могла бросить на отца и произвол судьбы, с их точки зрения, своих детей и удариться в бегство? Ведь допускали же они бегство вдов, которые, вряд ли, были не обременены детьми. Сейчас можно лишь предположить, что законотворцы в силу тендерного сознания действовали в соответствии с господствующим представлением, по которому женщина в семье подвластна и подчинена своему мужу, ибо находится от него в материальной зависимости, а дети также были во власти отца.

В бегах, как предполагалось, судьба женщины могла варьировать следующим образом. Если она выходит замуж, причем за крестьянина или бобыля, и у них появляются дети, то все они возвращаются прежнему землевладельцу: «того крестьянина, который женится на чужой женке, отдати... и з детьми, кои от тоя беглая родились» (1607 г.), или: «и ее (девку – *Е.Ш.*)... отдати с мужем ее и з детьми, которых она детей с тем мужем приживет» (1646 г.). Если такая беглянка выходила замуж за вдовца, имевшего детей от первого брака, то его увозили вместе со второй женой, а дети от первой жены оставались на месте своего рождения (1649 г.). Этот казус перекликается с подобным в Уложении 1607 г., которое рекомендовало детей крестьянина от первого брака «с мачихою не отдавать». Если же они «малы» и не достигли 15-летия, то тогда их следовало «пустити с отцом» и, таким образом, с мачехой. Независимо от возраста, дети от первого брака крестьянина, женившегося на беглой, разлучались с отцом в соответствии со статьей Соборного уложения 1649 г.⁵⁰, и в этом смысле норма ужесточилась. Положение, когда бежавший крестьянин, обосновавшись у нового землевладельца, выдавал здесь замуж дочь, девушку или вдову, учтена также Соборным уложением (ст. 17). К старому владельцу возвращалась вся семья крестьянина, включая замужнюю дочь, зятя и их детей. Детей же зятя от первого брака рекомендовалось «челобитчику (землевладельцу – *Е.Ш.*) не отдавать».

Судьба вдов, вышедших вторично замуж в бегах (ст. 15, 16), решалась по владельческой принадлежности их первых мужей. Вдова с новым мужем возвращалась к своему прежнему владельцу, за которым ее первый муж был записан в писцовых и переписных книгах; если же он не был занесен в эти книги, то вдова оставалась с вновь обретенным мужем у нового землевладельца⁵¹.

Принцип канонической нерасторжимости брака, явно выступающий из разобранных казусов Уложения (гл. XI), наиболее отчетливо провозглашен в ст. 68 гл. XX «Суд о холопех», которая гласит: «по правилу святых апостол и святых отец жены с мужем разводить не велено, где муж, тут и жена, кому, жена, тому и муж»⁵².

Важно сопоставить воззрения на брак светского и церковного законодательства. Брачные отношения находились в ведении церкви, и светская власть, судя по только что приведенной статье Соборного уложения 1649 г., следовала за церковной в этой сфере. Повторным бракам в случаях вдовства одного из супругов, равно как и первым, уделил внимание Стоглав, многоплановый памятник постановлений церковного Собора 1551 г. Он допускал вторые и третьи браки, когда венчались вдовец с девицей или вдова с юношей или брачились вдовец с вдово-

⁴⁸ Шапов Я. Н. О функциях общины в Древней Руси. С. 18.

⁴⁹ Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 65–66.

⁵⁰ Законодательные акты Русского государства... С. 75; Соборное Уложение... С. 66.

⁵¹ Соборное Уложение... С. 66, 236.

⁵² Там же. С. 110.

вой. Третий брак с точки зрения церкви был совершенно нежелателен, так как «нужа ради телесные бывает»⁵³. Только первый брак церковь считала «законом». Вступившие во второй брак не допускались к причастию в течение двух, а троеженцы пяти лет. Четвертый брак квалифицировался как «свинское есть житие»⁵⁴. Венечные пошлины для вступающих во второй и третий браки несли в себе штрафные санкции. Если брачащиеся первым браком платили 1 алт., то вторым – 2, а третьим – 4 алт. Священники обязывались выяснять, не состояли ли жених и невеста в кровном родстве, кумовстве, сватовстве. Брачные нормы Стоглава действовали вплоть до 1830 г. То обстоятельство, что 5 статей Стоглава внушают священникам их обязанность, доводить до паствы незаконность второго и третьего браков, со всей очевидностью показывает, что такие браки могли существовать без соблюдения церковных правил.

Называя возраст, ранее которого браки нежелательны, Стоглав никак не высказался по поводу значительной разницы в годах между супругами. По всей вероятности, по представлениям людей XVI–XVII вв. не было ничего предосудительного в браках с большим возрастным разрывом между партнерами. Стоглав, обобщая практику и придавая ей правовую юрисдикцию, предусмотрел вариант женитьбы вдовца на девице и выход вдовы за юношу, когда для вдовых людей брак был вторым, а для девушек и юношей – первым. Примечательно, что Стоглав сфокусировал внимание на возрасте брачащихся только первым браком, причем регламентируя его нижнюю грань (15 и 12 лет) и ссылаясь при этом на следование «священническому чину» (гл. 18), т. е. придерживаясь канонических норм⁵⁵.

Еще некоторые стороны семейной жизни крестьян подверглись нормативному упорядочению, и именно в Соборном уложении 1649 г. Отпуск крестьянок (девушек и вдов) замуж в другие владения санкционировался выдачей «отпускной» за подписью землевладельца или его духовного отца, уплатой вывода за невесту, размер которого определялся договором и вносился в отпускную. «Отпускать» крестьянок замуж могли сами помещики и вотчинники, и «или чьи приказчики и старосты». Последним дворяне, конечно, были вправе препоручить одну из своих обязанностей, однако относительное местоимение «чьи», синонимичное «какой», позволяет отнести приказчиков и старост также и к монастырским владениям, дворцовым и черным волостям. Уплата свадебных пошлин за крестьянских невест – стариннейшая обычноправовая норма⁵⁶, теперь она вошла в общегосударственный кодекс. «С свадеб венечные пошлины» ежегодно собирали земские старосты в северных черносошных волостях в XVII в., они в составе неокладных доходов шли на нужды местного и центрального аппарата⁵⁷. Вряд ли необходимо пояснение для этой нормы, регулирующей выдачу женщин замуж в другие владения и ставящей до некоторой степени под контроль землевладельца и общины выбор брачной партии, норма самым непосредственным образом вторгается в образование семьи.

Нарушение женщинами нравственных устоев, обусловленных церковной моралью и брачной моделью, закон сурово карал (Соборное уложение 1649 г., гл. XXII). Битье кнутом ожидало «жонок и девок», склоненных сводником, будь то мужчина или женщина, к «блудному делу»; сводничество получило в Уложении этическую оценку как «беззаконное и скверное» деяние (ст. 25). Существовавшие представления о женщинах, имевших внебрачных детей, закреплены в выражении: «которая жена учнет жить блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей». Женщина, которая убивала своих детей, рожденных вне брака, «сама» и ее соучастник – «иной кто по ее велению» – наказывались жестоко, смертной казнью (ст. 26). В данном случае смертная казнь не только наказание за преступление, приравненное к уголовному, но

⁵³ Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 287–289.

⁵⁴ Там же. С. 287.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ См.: Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960. С. 203.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 141. Он. 1. 1626. № 26. Л. 94.

и акт устрашения, выраженного сентенцией: «чтобы на то смотря, иные такова незаконного и скверного дела не делали и от блуда унялися»⁵⁸.

Итак, круг крестьян-родственников, который фигурирует в рассмотренных законодательных актах середины XVI – середины XVII в., был разветвлен и, что самое важное, конкретно выражен. Родство представлено несколькими уровнями, каждый из которых имеет некую степень обобщения. Она такова, что позволяет исследователю аналитически соотнести существовавшие ступени родства со структурными типами. Это – семьи супругов с детьми, двухпоколенные, а по своей форме – малые; отцовские и братские с их детьми, двух- и трехпоколенные, многоячейные, а по форме – неразделенные; последние были потенциально мобильны для выделов новых малых семей. Содержащееся в узаконениях обобщение не абстрагировалось от конкретных родственных уз, которые сохраняли первостепенность, так как были укоренены в социальной среде.

Попадание родственной номенклатуры независимо от воли разработчиков в законодательные акты, которые преследовали свои определенные цели, не связанные с регулированием семейных отношений, затрагивало частную и повседневную жизнь крестьян. Это обстоятельство, во-первых, опосредованно сказывалось на консервации состава семей и внутренних отношений в них, способствовало постепенному внедрению контроля, особенно со стороны частных землевладельцев, за семейной жизнью крестьян, что привело в конце XVII–XVIII вв. к регламентации их семейно-брачных отношений. Помещики нарушали даже каноническое правило нераздельности крестьянских семей, когда детей отторгали от родителей⁵⁹. Во-вторых, крестьянин и его семья за рассматриваемое время были лишены права предпочтительного выбора места жительства с наиболее благоприятным для себя режимом существования, затруднено было и изменение социального статуса. Стремление наиболее мобильных крестьян к увеличению благосостояния семьи было ограничено и сковано. Свобода выбора стала в представлениях крестьян ассоциироваться со свободой передвижения. Воплощение ее в жизнь влекло преследование крестьян по закону и водворение на прежнее место приписки и жительства. Такие внешние общие условия, несомненно, воздействовали на частную жизнь крестьян, приносили в нее жесткость внутренних отношений, крепившую авторитарность главы семьи и подчиненность ему.

Приведенный законодательный материал, в той или иной степени касающийся людей, связанных родственными узами, и опосредованно вытекающие из него обыденные последствия наглядно демонстрируют место семьи в сфере переплетения публичного и частного, общественного и личного.

Особый интерес представляет Домострой, в редактировании которого, а возможно, составлении участвовал священник Благовещенского собора Сильвестр. Принадлежа к жанру учительной литературы, памятник содержит собрание нравственных, юридических и обиходных норм, которые предлагались состоятельной городской семье. В части, относящейся как раз к ведению и «доброму» содержанию домохозяйства, встречается термин «семья». В главе с наказом ключнику о приготовлении постной и мясной еды (гл. 18 и 51 первой и второй редакций) термин вынесен в заголовок «...и кормить семья в мясоед и в пост», и он употреблен в собирательном смысле, обобщающем устойчивую социальную ячейку. Глава дома – «государь», прежде чем дать распоряжение ключнику, должен «з женою о всяком обиходе домашнем посоветовати», о блюдах в постные и мясоедные дни, о приготовлении напитков, которые надобно «нести государю и его жене, про семью, и про гостя». Изложив возможные варианты обедов и ужинов, составитель «домоводческой энциклопедии» дает рекомендации по кулинарии. Он предваряет их следующим заголовком: «Наказ от государя или от госуда-

⁵⁸ Соборное Уложение... С. 129–131, 384.

⁵⁹ Александров В. А. Сельская община в России. XVII – начало XIX в. М., 1976. С. 303–309.

рыни ключнику и повару, как варить на семью, челяди или нищите, скоромную и постную еству»⁶⁰. Содержание главы вполне определенно отделяет хозяина городской усадьбы – «государя» с женой-«государыней» и детьми, т. е. семью, от челяди: слуг-мужчин, «женок челяденных», «девок и робят», а также от «лутчих людей приказных» или торгующих. При многоотраслевом домовом хозяйстве зажиточного горожанина, наполненном гостями, разными слугами, привечаемыми нищими, его семья отчетливо выступает как брачно-родственная ячейка, самостоятельная и главенствующая в доме. Между семьей «государя» и челядью улавливается известная дистанция, а тот факт, что «отрадные» люди из нее удостаивались «прибавки остатков» с «государева» стола, лишь подчеркивает это.

Обратимся к рассмотрению крестьянских семей, бытовавших в повседневной реальности XVI–XVIII вв. Заглянуть внутрь крестьянского двора и познакомиться с семьей севернорусских крестьян позволяют, до некоторой степени, подворные переписи населения, в частности 1678 г. и так называемая «ландратская» 1717 г.; преимущество последней состоит в том, что в нее внесены и женщины. Переписные книги 1717 г. зафиксировали конкретные семьи с мужским и женским кругом родственников. По переписи 1678 г., включавшей только мужчин, отчетливо видна поколенная, нисходящая (деды-отцы-внуки) организация семьи. Объектом таких переписей был двор – посадский в городе, крестьянский в селе или деревне, и мужчина, обозначенный во дворе, был его главой и одновременно отцом семейства.

Проведенное в свое время изучение родственного состава дворов у монастырских и помещичьих крестьян Вологодского у. в конце XVII – начале XVIII в. убедило меня в том, что жители двора, как правило, представляли собой семью, они были связаны той или иной степенью родства или свойства и наряду с родственными также и хозяйственными отношениями. Присутствие во дворе чужеродцев – пасынков, приемышей, подворников и даже свойственников – зятьев, шуринов – переписчики обычно оговаривали. Такие дворы немногочисленны (2–7 %). Господствующей формой семьи была малая, нуклеарная, а ведущим ее типом – двухпоколенная семья супругов с неженатыми детьми. Неразделенная семья существовала в границах трех поколений и троюродного родства, а преобладающий ее тип – братская, т. е. семьи двух-трех женатых братьев, как с холостыми, так и женатыми детьми. Наиболее характерная численность семей в 4–6 чел. обоего пола, а предел численности был обусловлен типологией семьи и редко превышал 12–14 чел. За почти четыре десятилетия, прошедшие между переписями 1678 и 1717 гг., усложнился структурно-поколенный состав семей за счет увеличения неразделенных, однако это в целом не повлияло на преобладание малой семьи как формы у вологодских крестьян⁶¹.

Исследователи аграрных отношений на Северо-Западе России также пришли к заключению, что на протяжении XVII в. крестьянский двор населяла, как правило, одна семья. В XVI – первой четверти XVII в. малая форма семьи преобладала в Новгородских пятинах, Псковском у., Заонежских погостах, в Подвинье. Структура семей, детально прослеженная по переписным книгам 1646–1649, 1678–1679 гг., показала, что в разных районах Северо-Запада у крестьян различных владельцев: помещичьих в Шелонской пятине Новгородского у, монастырских в Белозерском у., а также у черносошных в Заонежских погостах и Двинском у. – малая семья была основной формой, а типологические сдвиги во второй половине XVII в. происходили за счет перераспределения отцовских семей в пользу братских. Превалировали семьи в 2 и 3 поколения, а их численность изменялась от 4–5 до 7–8 чел. обоего пола⁶². На поморском Севере, в Подвинье в начале XVII в. также преобладали малые индивидуальные семьи, хотя на Пинеге (одном из трех обследованных районов) отцовские и братские неразделенные семьи

⁶⁰ Домострой. СПб., 1994. С. 27, 120.

⁶¹ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в. М., 1976. С. 35–40.

⁶² Аграрная история Северо-запада России XVII в. Л., 1989. Гл. 5. С. 55–62 (Автор главы О. Е. Кох).

несколько (на 5 %) превышали малые⁶³. Усложнение структуры вело и к повышению численности жителей двора. Генетическая связь малой и неразделенной форм семьи проявлялась в том, что последняя на определенном этапе своего существования видоизменялась, из неразделенных выделялись малые семьи.

Следующее обстоятельство нужно принять во внимание. Выше я говорила об усложнении структуры крестьянской семьи, которое отчетливо проявилось к концу XVII в. Исследователи социально-экономических отношений единодушно отмечали произошедшее к этому времени укрупнение крестьянского двора, увеличение числа жителей в нем. Эти изменения связывают со сменой после переписи 1646 г. единицы податного обложения государственными налогами: вместо поземельной сохи ею стал двор, крестьянский в деревне, посадский в городе. Правда, при подворном (даже при подушном в XVIII в.) обложении, как и ранее при посошном, в вотчинах и северных черносошных волостях крестьяне продолжали разверстывать налоги с учетом имевшейся земли, хозяйственных сил и средств плательщиков – «по животам и промыслам». Крестьянские семьи вполне определенным образом отреагировали на введение более жесткого обложения, хотя и смягчаемого раскладкой внутри общин. Стремясь сохранить, поддержать свой материальный уровень, они сменили жизненную стратегию и выбрали совершенно конкретный путь, а именно – сдерживание семейных разделов.

Наблюдения над семьями вологодских монастырских и помещичьих крестьян показало, что от 1678 к 1717 г. приросло число семей, в которых продолжали жить вместе с родителями женатые сыновья со своими детьми, женатые братья с холостыми и женатыми детьми, женатые дяди с холостыми или женатыми племянниками.

Такое разрастание семей свидетельствует о сократившемся выделе молодых супружеских пар. Между 1710 и 1717 гг. разделившиеся семьи вологодских крестьян не превышали 16 %. Чаще всего делились семьи с боковыми родственниками: женатые дяди и племянники, родные и двоюродные братья⁶⁴. Судя по превалированию малой индивидуальной семьи, которое констатируется на основе переписи 1678 г., семейные разделы во второй половине XVII в. совершались интенсивнее, чем в начале XVIII в.

Важным показателем было число детей в крестьянской семье. Подворные переписи конца XVII – начала XVIII в. регистрировали население, наличное на момент описания, включая и детей. По их данным можно выявить число детей в семье, выживших в невзгодах крестьянской жизни. У вологодских монастырских и помещичьих крестьян по переписи 1717 г. дети составляли треть всего населения, а их число на одну семью редко превышало 6 чел., семьи с 7-11 детьми были редки. Преобладали семьи, имевшие 1–3 детей (у монастырских таких – 3/4, а у помещичьих – 2/3).

В возрасте до пяти лет процентное соотношение мальчиков и девочек одинаково, в следующих группах 6-10 и 11–15 лет уменьшается общее число детей, а соотношение между полами складывается в пользу мальчиков. У монастырских крестьян на 100 мальчиков приходилось по возрастным группам: 0–5 лет – 85 девочек, 6-10 лет – 78 и 11–15 лет – 75, у помещичьих – 87, 70, 63 девочки соответственно по возрастным группам. Среди детей всех возрастов на 100 мальчиков приходилось в семьях монастырских крестьян 80, а помещичьих – 75 девочек⁶⁵.

Половозрастной состав детского населения показывает, во-первых, значительную смертность детей после пяти лет, во-вторых, более благоприятную ситуацию воспроизводства у вологодских монастырских, чем у помещичьих крестьян. У последних детская смертность была, по

⁶³ Александров В. А. Обычное право... С. 58–59. Он скорректировал в соответствии со структурными типами семей данные, приведенные А. И. Копаневым в его книге: Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 120–121. См. также: Кох О. Е. Крестьянский двор и крестьянская семья на русском Севере в конце XVII – начале XVIII в. Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1987.

⁶⁴ Бакланова Е. Н. Указ. соч. С. 36–39, 166–167.

⁶⁵ Там же. С. 20–23.

всей вероятности, выше, чем у монастырских. Преобладание мальчиков над девочками свидетельствует либо о худшей выхаживаемости последних и потому их большей смертности, либо о менее точном их учете при переписи, ориентированной, прежде всего, на регистрацию мужчин.

Важным вопросом для истории семьи является возраст вступления в брак. Сфера брачных отношений, как уже упоминалось, находилась в ведении церковного права. Стоглав 1551 г. говорит об обручении и венчании, регламентируя эти ответственные моменты жизни человека. Глава 18 предписывает священникам действовать «по чину». Для вступающих в первый, законный брак оговорен возрастной показатель: священники должны венчать отроков не ранее 15, а девушек 12 лет. Сочетать браком молодых людей ранее этого возраста запрещалось. Священник обязан был совершать обряд венчания после обедни, а не после вечерни и никак не «в ночи»⁶⁶. Эта глава церковного уложения внесоциальна, она регламентирует действия и обязанности священника, возлагает на него ответственность при совершении таинства брака.

Случайно ли пятнадцатилетие мужчин принято за границу брачного возраста, связано ли это с понятием совершеннолетия и было ли такое понятие? На этот вопрос нужно дать утвердительный ответ. В XVI–XVII вв. именно в 15 лет сыновья вотчинников и помещиков вступали на государеву службу – «верстались новиками». Пятнадцатилетние крестьянские юноши также считались совершеннолетними, они могли возглавить самостоятельное хозяйство и нести тягло, которое было показателем социального статуса, а не только податной обязанностью. Пятнадцатилетие как рубеж, отделявший отрочество от совершеннолетия, причем единый для разных сословных категорий – дворян, посадских людей, крестьян, – зафиксировано в указе 1641 г., который запрещал холопить (принимать в кабальные холопы без старших родственников) детей, не достигших 15 лет⁶⁷.

Существовало ли в русском обществе XVII–XVIII вв. представление о верхней границе для заключения брака? Вернее, в каком возрастном пределе вступление в него считалось нормальным? В Уложении 1607 г. есть статья об отпуске на свободу холопов, которых их господа не женили и не выдали замуж до определенного возраста⁶⁸. Интересны упоминаемые в ней возрастные показатели. Не рекомендовалось держать и не выдавать замуж – женить «рабу до осмнатцати лет девку, а вдову молоду после мужа более дву лет, а парня холостого за 20 лет». Характерна мотивировка, имеющаяся в статье: «не держи неженатых над закон божий и правила святых отец, да не умножится блуд и сквернодеяние в людех»⁶⁹. Эта статья, думаю, отразила направляемое и поддерживаемое церковью морально-этическое воззрение и потому свойственное разным социальным категориям и группам, что девушек следует выдавать замуж к 18, а юношей женить к 20 годам.

В 30-е гг. XVIII в. в пошехонской вотчине П. М. Бестужева-Рюмина тяглый возраст крестьян начинался в 15 лет; во второй половине XVIII – начале XIX в. этот возраст повысился до 16–18 лет, судя по данным центральнорусских имений М. М. Голицына, Ф. В. Самарина, Гагариных, пермских владений Строгановых⁷⁰. С определенной долей осторожности можно говорить о повышении в XVIII в. возраста совершеннолетия. В тогдашнем обществе 15–20 лет для юношей и 12(13)–18 лет для девушек считались наиболее приемлемыми и потенциально репродуктивными для вступления в брак.

Закон Петра I о дворянском единонаследии от 1714 г. устанавливал брачный возраст для мужчин в 20, а женщин в 17 лет. Однако браки продолжали оставаться в компетенции церкви, и нормы Стоглава действовали в течение всего XVIII в. Синод в 1744 г. повысил на 1 год

⁶⁶ Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 287.

⁶⁷ Законодательные акты Русского государства... С. 195. Комментарии. С. 200–201.

⁶⁸ О причине появления этой статьи в Уложении см.: Пажух В. М. Холопство в XVI – начале XVII в. Л., 1975. С. 210–211.

⁶⁹ Законодательные акты Русского государства... № 57. С. 76.

⁷⁰ Осминский Т. И. Бюджет крестьян Пошехонской вотчины П. М. Бестужева-Рюмина (1731 год) // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 356; Александров В. А. Сельская община в России. М., 1976. С. 206, 304–305.

брачный возраст для девушек до 13 лет. Окончательно нормы Стоглава в этом вопросе были отменены только в 1830 г.⁷¹ Правда, А. С. Павлов, ссылаясь на дело (№ 291) синодского архива, приводит данные из трактата о порядке и условиях совершения брака, который был составлен Санкт-Петербургским архиепископом Гавриилом Кременецким «от лица Св. Синода» в 1765 г. Из него следует предписание «не венчать жениха, коему нет от рождения 17, також невесту, коей нет же 15 лет». Не рекомендовалось венчать вдовца или холостого жениха, «коему уже 60, також и невесте, коей 50 лет от рождения миновало». Воспрещались неравные браки, «великое неравенство в летах имеющих», 17- или 18-летнего юноши и 35-40-летней невесты, равно как и 50-55-летнего мужчины и юной 17-18-летней невесты⁷².

При том, что у крестьян 15-16-летние сыновья вступали в брак и слыли готовыми для исполнения генеративной роли и социальной – организации хозяйства и несения тягла, посмотрим, удавалось ли таким молодым мужчинам в обычных, не чрезвычайных обстоятельствах возглавлять хозяйство и каков наиболее характерный возраст глав дворов. Возраст дворохозяев был прослежен по материалам переписи 1717 г. Вологодского у. для помещичьих и монастырских крестьян⁷³. Главы дворов были распределены по возрастным группам, составленным по десятилетиям, за одним исключением: первая из них с показателем от 16 до 20 лет, затем от 21 до 30 лет и так далее до 80 лет и выше. Большинство дворов возглавляли крестьяне в возрасте от 41 до 60 лет, у монастырских таких дворов 50,2 %, а у помещичьих 56 %, причем дворохозяев до 50 лет и от 51 до 60 лет примерно одинаковое число (у монастырских – 26,5 и 24 %, а у помещичьих 28,3 и 27,6 % соответственно по возрастам). Мужчин глав хозяйств после 30 и до 40 лет было у монастырских крестьян 20 % (или 1/5), а у помещичьих – 16 % (или 1/6). Приблизительно одинаково число дворов, где во главе стояли 21-30-летние мужчины: 8,1 % у монастырских и 7,6 % у помещичьих крестьян, а также 61-70-летние хозяева – 12,4 % у монастырских и 10,1 % у помещичьих; 21-30-летних глав было в два с лишним раза меньше, чем в следующей группе 31-40-летних. Главы дворов в 16-20-летнем возрасте были редки, таких 2,3 % у монастырских и 1,4 % у помещичьих крестьян. Также немногочисленны и семьи, возглавляемые стариками старше 70 лет – 3,2 и 5,8 % соответственно по категориям крестьян.

Приведенные данные показывают, что шансы возглавить самостоятельное хозяйство появлялись у крестьян, как правило, когда они достигали 30 лет и в интервале до 40 лет. Минимальное число глав семей 16-20-летних свидетельствует о включенности молодых супружеских пар в отцовское хозяйство. Именно возраст от 31 до 40 лет был тем периодом семейной стратегии, в который происходили выделения из общего хозяйства женатых сыновей с семьями и братьев в неразделенных отцовских и братских семьях.

Складывались жизненные ситуации, когда крестьянские домохозяйства возглавляли вдовы. Их зафиксировали как писцовая книга Сольвычегодского у. 1622–1625 гг., так и перепись 1717 г. Вологодского у. По данным писцовой книги в семи наиболее крупных волостях уезда: Алексинской, Антропьевой слободе, Вилегодской, Лальской, Лузской Пермце, Окологородной и Ратмировской из общего числа в 2652 двора хозяйств, руководимых вдовами, оказалось – 56 или 2,2 %. Таких дворов в 1717 г. тоже немного, они составили у монастырских и у помещичьих крестьян по 2 %. Принимая во внимание относительность подсчетов на две хронологические даты с интервалом почти в 100 лет, все-таки можно судить о существовавшей упорядоченности, обусловленной наряду с демографическими факторами ментальными устоями в обществе. Малое число хозяйств, возглавляемых женщинами, свидетельствует об

⁷¹ Российское законодательство X-XX вв. Т. 2. С. 437.

⁷² Павлов А. С. 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887. С.346.

⁷³ Характеристику переписных книг 1678 и 1717 гг., число дворов у монастырских и помещичьих крестьян, на основе которых изучена демография семей, см.: Бакланова Е. Н. Указ. соч. С. 12–19. Нижеследующие данные о вдовах-домохозяйках в монографии не приводились.

исключительности подобных случаев, а главное, об ориентации и государства, и вотчинников в социальной практике, особенно явственно проявлявшейся в фискально-податной сфере, на мужчину-дворохозяина, способного тянуть тягло.

Писцовая книга Сольвычегодского у. 1622–1625 гг. дает возможность углубиться в рассмотрение сюжета. В ней составители по-разному регистрируют женщин-глав домохозяйств. Так же как и мужчины, вдовы именуются с большей или меньшей полнотой. Важно, что первым называется собственное имя женщины с добавлением имени мужа в форме притяжательного прилагательного и его прозвания: Катерина Селивановская жена Ногавицына, Домница Левкинская жена Ермолина, Агафья Родионовская жена Юрьева, Устинья Григорьевская жена Офонасьева, Марьица Яковлевская жена Лихачева, или прозвание мужа опускается – Соломонида Никитинская жена, Марья Олферовская жена, Анница Григорьевская жена, Маремьяна Денисовская жена, иногда дается имя женщины в сочетании с именем мужа – Соломонида Федоровская, Фетинья Терентьевская, Фекла Пантелеевская, Алимпейка Силинская – или с его фамильным прозвищем – Параньца Попова, Хавронья (Февронья – *Е.Ш.*) Лихачевская, Федосья Пьянковская либо просто по имени – вдова Марьица, Домница, Василиса⁷⁴. Вдовы во дворах показаны одни (8 случаев), с сыновьями, большей частью с одним (18 случаев) и с двумя (10 случаев), редко с тремя-четырьмя. Так, в Вилегодской вол. один из двух дворов в д. Дяткинской значился за вдовой Пестелиньей Терентьевой женой Нечаева с сыном Данилкой, и отмечено, что он – «мал». Такое примечание писцов о явно детском возрасте сына вдовы встретилось в книге единожды, по-видимому, она привела веский довод в его пользу. В другом дворе написан Завьял Нечаев с братом Ермолкой, и они владеют землей по «купчей 1600 г.». Вдова, бывшая замужем за их третьим братом Терентием Нечаевым, владеет участком «по одной купчей» с братьями мужа, но раздел с ними был произведен до писцового описания⁷⁵. В д. Еремено Евсеевская, а «Большой двор тож» в Окологородной вол., жила Параньца Попова с четырьмя сыновьями Максимком, Ивашком, Федкой, Ивашкой и владела участком по купчей 1605 г.⁷⁶. Когда писцы во дворе записывали только одну вдову, то это не означало, что она была одинока, конечно, у нее бывали дети, среди них несовершеннолетние или молодые сыновья и дочери. Лишь единичны домохозяйства вдов с внуками: в д. Черная речка Окологородной вол. названа вдова Анна Девятова с внуком Данилкой, державшая хозяйство по купчей 1583 г., в д. Василево вол. Лузская Пермца в одном из пяти дворов – Марьица Юрьевская жена, у нее внук «Севко»⁷⁷.

Вчитываясь в подворные записи писцовой книги, удастся проникнуть в родственные отношения жителей дворов. Так, в Окологородной вол. в двухдворной д. Устиновская хозяйствовали Офимьица Иванова жена Федотова и в другом дворе – Ивашко Федотов с сыновьями Ивашком и Пятункой, и оба двора владели землей по одной купчей 1597 г.⁷⁸. Из именования Офимьицы ясно, что она была замужем за Иваном Федотовым, который был братом живущего в другом дворе также Ивана Федотова, и ему вдова приходилась снохой. Тот факт, что братья имели одно имя Иван, не удивительно, оно было очень распространенным, так как в святцах несколько святых с именем Иоанн, дни памяти которых распределены на протяжении года⁷⁹. Антропонимические наблюдения, проведенные мной в свое время на материалах переписи 1717 г., показали высокую частотность употребления имени Иван, а также бытование внут-

⁷⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. № 446. Л. 114об.-115, 211об., 340, 600, 620об., 220, 323, 407, 845об., 222об., 226, 609об., 583об., 100об., 610об., 603, 420об., 219об., 227. Имена здесь и далее даются в написании источника.

⁷⁵ Там же. Л. 752.

⁷⁶ Там же. Л. 101об.

⁷⁷ Там же. Л. 109, 602об.

⁷⁸ Там же. Л. 115.

⁷⁹ См.: Именослов. Киев: Издательство Киево-Печерской лавры. 2010. С. 100–104.

рисемейной одноименности среди вологодских крестьян⁸⁰. В Алексинском стане в двухдворной д. Петримово в первом хозяйстве жил Родька Омелянов сын Кривошапкин с сыновьями Мишкой и Тараском, а во втором дворе – вдова Маланья Петровская жена Кривошапкина с сыном Осипом. Судя по фамильному прозвищу, Маланья Кривошапкина была женой Петра Кривошапкина, брата Родьки, последний и Маланья доводились друг другу деверем и снохой. Владение землей указано для двора Родьки Кривошапкина по купчей 1569 г. и мирской данной 1584 г., и на основе названных актов участками обладали, скорее всего, оба хозяйства⁸¹. В д. Павлищево Окологородной вол. в одном из двух дворов хозяйствовал Андрей Иванов с сыновьями Панкратом и Митькой на основе мирской данной 1572 г., а другой двор вдовы Татьяны Григорьевской жены стоял пустой, но его землю «пашет» уже названный Андрей Иванов⁸². Обрабатывать второй участок ему было по силам, ведь у него два взрослых сына, внесенных в книгу. Возможно, мирская данная была получена на участок, ставший со временем общим для двух дворов, а он и вдова могли быть в родстве. В д. Бородинской Вилегодской вол. первым из трех дворов владела по купчей 1585 г. вдова Ульянка Федорова Орефина с сыном Ваской, а во втором хозяйствовал по мирской данной грамоте 1623 г. Богдашко Орефин с сыном Первушкой⁸³. Судя по общему их прозвищу Орефины, Ульяна была замужем за Федором, братом Богдана, скорее всего старшим. Ведь вдова осталась на жеребье мужа, приобретенном за 40 лет до проводимого писцового описания, а Богдан взял землю из мирского резерва только в 1623 г., и совершенно ясно, что к моменту описания братья вели отдельные хозяйства. В вол. Лузская Пермца в деревне (без названия) в жилом дворе значится вдова Катерина Федотовская жена Кириянова с сыновьями Терешей и Парфеном. Вторым двор пуст – бобыля Киприяна Трофимова, который, как отметили писцы, «умер»⁸⁴. Обычно такие сведения в писцовые книги не вносились. Видимо, в данном случае по веской для писцов причине они выделили это событие, произошедшее недавно или, возможно, даже при описании ими деревни, или из-за имевшейся между обоими дворами связи, ведь они обладали землей по старине.

Привлекают внимание варианты, которые проявляются сквозь призму сведений писцовой книги. Такой сложился в д. Чюпаново или Взвозная в Ратмировской вол. Она состояла из трех дворов, причем в двух из них жило по вдове. В одном хозяйствовала на основе данной грамоты 1624 г. вдова Маремьяна с сыном Омелькой, и она держала половника Онисима Драчова. В другом дворе – вдова Марьица Яковлева жена Нечаева. Интересно именно ее домохозяйство.

В деревне писцы первым обозначили двор Первушки Нечаева, который владел жеребьем по купчей 1599 г., и у него был половник Левка Карпов. Хозяин двора и вдова Марьица – оба Нечаевы, и они не чужие друг другу. Их взаимное отношение становится ясным из указания на основание, по которому Марьица владела участком, а именно по одной «купчей со свекром» Первушей Нечаевым, откуда следует, что она была женой его умершего сына. В Объячевском погосте вол. Лузская Пермца имелась д. Марковская из трех дворов, в первом значится Иван Титов, владевший им по духовной грамоте, дата которой не указана. Вторым двор пуст, однако его землю пашет Полуян Федоров. В третьем дворе жили Васка Федоров с братом Полуянком, который обрабатывал участок соседа, и братья обладали своим жеребьем по купчей 1586 г. К деревне «на той же земле в выставке» показаны 2 двора, и в каждом из них по вдове: одна – Варвара Онцифоровская с сыном Мишкой, владевшая по купчей 1615 г., а другая – Дарьица

⁸⁰ Бакланова Е. Н. Личные имена вологодских крестьян по переписи 1717 г. // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики. М., 1970. С. 310–311. Из 6760 мужчин с именем Иван насчитывалось 1189 (17,6 %) человек.

⁸¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. № 446. Л. 229.

⁸² Там же. Л. 321.

⁸³ Там же. Л. 703.

⁸⁴ Там же. Л. 605.

Титовская – по духовной 1619 г., и землю ее двора «пашет Иван Титов», то есть хозяин первого двора основной деревни Макаровской. В именовании Дарьицы вторая часть Титовская говорит о ее принадлежности к Титовым и родственной связи с Иваном. Свои земельные участки они держали скорее всего по одной и той же духовной, дата которой приведена в сведениях о дворе Дарьи. Данный факт дополнительно подтверждает ее родство с Иваном, а также вполне может означать, что грамота хранилась именно у нее, вдовы, ее преклонный возраст и передачу участка в обработку родственнику, более молодому, чем она⁸⁵

⁸⁵ Там же. Л. 326об., 610.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.